

Поэма о братьях-героях

*Героям Советского Союза
Евгению Петровичу Игнатову,
Геннадию Петровичу Игнатову*

Это было, когда, отморозив носы под Москвою
И решивши погреть свои лапы у тёплых морей,
Развернулись войска и холодной стальной ордою
Устремились на юг разорённой Отчизны моей.

Лето. Сорок второй. Группа армий фельдмаршала Листа
Под названием «А», от пыли и жары ошалев,
Снова взяли Ростов, Краснодар, продолжая катиться
На Майкоп и на Грозный, на нашу кавказскую нефть.

Полыхала Кубань от заиленных плавней Азова
До высоких своей неприступною гордостью гор...
А в тылу у врага по законам сердечного зова,
Поднимался народ, чтобы дать оккупантам отпор.

Сквозь завесы огня и клубы донебесного дыма
Партизаны несли напоённые мстью сердца,
Вспоминая занятия в классах ОСОАВИАХИМа,
Заучив назубок краткий курс молодого бойца.

А ходить на врага можно смело, но лучше умело.
И нарком обороны подписал партизанский приказ
В сентябре. И тогда ещё жарче земля загорелась
Под пятою пришельцев. Начиналась борьба за Кавказ.

Был на отдых смещён отступающий маршал Будённый,
Чтоб растить табуны устаревших для войн рысаков,
А пришёл генерал, трижды смертью в Крыму окрещённый,
Разработчик атак и обхватных ударов – Петров.

Шёл нахрапом фашист, называя поход свой великим,
Но Петров отступать выше гор никому не велит,
И ложится костями под Майкопом дивизия «Викинг»,
Целый корпус словаков с библейским названьем «Давид».

Стало легче. Победа забрезжила на горизонте.
И поджали фашисты мышиноного цвета хвосты:
Нет на фронте житья и за линией крепкого фронта –
Рвут казармы и склады и мины кладут под мосты.

И тогда поубавилось спеси военной и прыти,

У вояк заграничных остыл наступательный тыл,
И поднялся отряд с несчастливым названием «Мститель»,
Потому что за зло и предательство грязное мстил.

Мстил фашистам за смерть россиян и далёких, и близких,
За разбитую жизнь, за девичью убитую честь,
Из животных глубин, человеку всегда ненавистных,
Поднималась и шла справедливая, жгучая месть.

Командир партизан был бесстрашный Пётр Карпыч Игнатов,
Большевик, каторжанин, носитель октябрьских идей,
Обожжён на гражданской был тифом и жаром снарядов,
На «гражданке» – строитель, учитель троих сыновей.

Самый старший – Евгений, он стал, как отец, инженером,
По военной дороге пошёл средний сын Валентин.
Для Геннадия братья с отцом стали ярким примером,
Ему было семнадцать, он третий по счёту был сын.

А в тридцатых отец комиссаром был в аэроклубе,
Где Покрышкин азы мастерства в небесах постигал,
А Евгений вовсю подражал «погранцу» Карацупе,
Что с Джульбарсом своим от шпионов страну охранял.

Валентин и Геннадий любили кататься в моторах;
После школы бежали они, как бегут на пожар,
В автоклуб свой родной и к машинам капризным, которых
Было двадцать на весь невеликий тогда Краснодар...

Немцы взяли Ростов, и открылись ворота Кавказа.
По решению крайкома в урочищах тёмных лесов
Заложили склады оружейные, ждали приказа,
Чтоб в подполье уйти, сотни славных России сынов.

И приказ поступил. Перед взятием столицы Кубани
Запылали заводы, мосты изогнулись в дугу,
И горел Краснодар, не тушили его горожане:
Это первый удар от кубанцев-героев врагу.

Приближался октябрь переломного сорок второго,
А в глубоком тылу что ни ночь – партизанский налёт:
Взрыв дорог и казарм, и листовок правдивое слово,
Над предателем суд – всё в победный заносят зачёт.

Чтоб почувствовал враг, что находится он в окруженье,
Каждый дом, каждый куст, каждый холм и заросший овраг
Не давал расслабляться. Держал даже днём в напряженье,

Вражьи нервы мотал на крутой партизанский кулак.

В золотом октябре, в день десятый по краткому счёту,
Объявился связной, с виду дед-богомол в армяке,
И Пётр Карпыч ведёт «старика» напрямиком в разведроту...
А сорока строчит, словно спички трясёт в коробке.

И выводят коней, к крупам ящики с толом торочат,
Автоматы на грудь и за пояс по паре гранат.
И уходит в туман (снова что-то сорока пророчит)
Боевой молодой, словно канувший в небо, отряд.

И мгновенно затих дикий лес от исчезнувших теней,
И сильнее набряк, почернев от дождя, небосклон,
А Елена Ивановна, мама Евгения с Геней,
Всё шептала одно: «Эшелон, эшелон, эшелон...»

Обнимая сынов, тихо канувших в сумрак вечерний,
Так прижала к груди их, шепнув материнский наказ,
Словно знала она, что живыми их видит последней...
«Возвращайтесь с победой, сыночки, я ждать буду вас!...»

Три часа шли без отдыха, к полночи вышли к «чугунке»,
Отдышались. Коней распрягли и в овраг завели,
И с поклажей своей неподъёмной плывут по-пластунски,
По волнам ковыля, и скрывают следы ковыли.

Ночь, как сажа черна, это просто мечта партизана.
Вот меж рельсов, невидим, молчит динамит разрывной.
И два брата лежат в придорожных наростах бурьяна,
И бикфордов шнурок припорошен опавшей листвой.

Всё рассчитано так, что и носа комар не подточит,
И всё взвешено впрок на весах беспощадной войны:
Загорится искра, побежит золотой огонёчек,
И закончится смертью бикфордова жизнь тишины.

Показался состав. Нет, сначала послышался даже,
Потому что по рельсам пошла звуковая волна:
Шёл тяжёлый состав., тяжела на платформах поклажа.
Так да здравствуй, война, если ты справедлива, война!

На платформах танкетки, в зелёных вагонах танкисты,
Аппетитно коньяк заедают кубанским салцом,
Громко песни поют, вот, ети ж вашу мать, вокалисты...
Но минута ещё. И закончится дело – концом.

А танкисты поют про немецкое Чёрное море,
И про Волгу, что русским родней, чем родимая мать.
Эту песню допеть им придётся в заоблачном хоре,
Но за смерчем огня нам слова её не разобрать.

Вас не звали сюда с вашим «дойчланд» и всем «юбер аллес».
Вам кричали озёра и реки, и город с селом,
Вам шумели леса, чтобы вы по добру убирались.
Не прислушались вы, но тогда убирайтесь со злом.

После года войны даже фюрер в победу не верил,
А полгода спустя и солдаты узнали всерьёз:
Каждый камень России им в глупую голову целил...
Так же думал Евгений и спичку к «бикфорду» поднёс.

А как взрыв полыхнул – стало ярко в Афипской станице,
Но когда громыхнул очумело снарядный вагон,
Стало в Северской так, как бывает светло во светлице,
И вставал на дыбы, и летел под откос эшелон.

А по окнам стучат автоматные злобные пули,
Двери рушат гранаты, взрываясь одна за другой,
Где минуто назад шнапсы весело горькие дуди
И курили табак, потешаясь над русской страной.

Всё решается в жизни за доли случайных мгновений.
Неслучаен лишь подвиг. Он в памяти вечно живёт:
Насмерть срезан осколком, уткнулся в землю Евгений,
И Геннадий упал с автоматом в руках на живот.

Разве думали братья о Родины высшей награде,
Уходя в ковыли, пропадая в болотистой мгле,
Ради жизни моей, а не званья Героя за ради,
Ради жизни свободной на нашей российской земле.

Когда утро взошло, то увидели диво вандалы;
Шпалы дыбом стоят, рельсы скручены – тоже торчком...
Две недели пришлось разбирать по дороге завалы
Из платформ и танкеток, чугунно-стальной бурелом.

И под Винницей Гитлер, забившийся в логово волчье,
Всё пытался понять, но не взял в свой коричневый толк,
Как пяток партизан умудрились кровавою ночью
Запустить под откос его имени танковый полк.

Слава смелым братья, окруженным народной любовью,
Вы короткую жизнь за Россию отдали не зря.

Будь им пухом, политая щедро сыновнею кровью,
Защищённая ими от бед иноземных, земля!

Пусть листва зашумит из осенне-латунного сплава,
Пусть гвоздики несут в незабытым могилам святым,
И веками живёт в небесах непомеркшая слава.
Только мы помолчим, поминаючи их, помолчим...

Публикуется по книге: Домбровский В.А. Красные яблоки Победы: [поэмы и стихотворения] /В.А. Домбровский. – Туапсе, 2005. – 53 с.